

Таковъ общій составъ и главная мысль содержанія Апокалипсиса. Нужно обстоятельно разсмотрѣть содержаніе этой книги, чтобы посвѣтлѣе и поживѣе, нежели въ одномъ общемъ понятіи о каноническомъ ея достоинствѣ, опредѣлилось и уяснилось для насъ Божественно-руководительное значеніе Апокалипсиса для Церкви всѣхъ временъ, для вѣры всѣхъ и каждаго, именно—чтобы и общія мысль Апокалипсиса торжествовъ надъ зломъ Христа, грядущаго во славу, ясно раскрылась для насъ какъ въ разнообразіи всѣхъ частныхъ видовъ своего предначинательнаго во времени осуществленія, такъ и въ своемъ рѣшительномъ исполненіи однажды и на всю вѣчность чрезъ второе славное Христово пришествіе; чтобы и составныя части откровенія раскрылись въ значеніи доступномъ, сколько возможно, разумнѣю вѣры и оправдываемомъ, сколько уже исполнилось откровеніе, самими событіями. Само собою разумѣется, что можно братья отнюдь не за раскрытіе всей глубины смысла этой таинственной книги во всѣхъ подробностяхъ и частностяхъ ея содержанія. Это было бы неразумною дерзостію и неосуществимою мечтою, ибо въ Откровеніи Іоанновомъ отъ начала до конца представляется въ разныхъ видахъ такое Божественное, величественное и таинственное зрѣлище, гдѣ небесное и земное и иногда даже подземное открывается для единаго духовнаго взора, и дѣйствительность сей жизни берется во вниманіе во внутренней связи съ жизнью будущею со славою вѣчности. И потому, если пророчества исполнѣ изъясняются для насъ только событіями, намъ исполнѣ открытыми, вся глубина или весь свѣтъ Іоаннова Откровенія могутъ быть раскрыты для насъ не ранѣе открытія для насъ вѣчности.

Впрочемъ вся глубина и сила, и всѣхъ священныхъ книгъ есть *сила грядущаго вѣка* (Евр. VI, 5) и значить раскроется тоже въ будущей уже жизни; это замѣчаемъ мы въ отраженіе возможныхъ у насъ возраженій: зачѣмъ и братья за изслѣдованіе такой таинственной книги, которой полное разрѣшеніе не принадлежитъ настоящей жизни?.. Намъ предстоитъ уяснить эту книгу только отчасти (1 Кор. XIII, 9) и именно столько, сколько можно понимать ее на обыкновенныхъ, простыхъ и точныхъ и потому твердыхъ герме-

невтическихъ основаніяхъ. Чтобы не допустить произвольности или мечтательности въ этомъ дѣлѣ, мы должны ограничиваться и довольствоваться тѣмъ, что можетъ быть понятно для насъ изъ разсмотрѣнія Апокалипсическихъ изображеній самихъ по себѣ, что раскрывается въ содержаніи Апокалипсиса, и изъ другихъ св. книгъ, и изъ святоотеческаго разумѣнія, наконецъ и, главнымъ образомъ, тѣмъ, что совершенно уясняется и оправдывается самими событіями—этимъ главнымъ способомъ оправданія и выясненія пророковъ (Второз. XVIII. 22). Съ другой стороны, къ отраженію недоумѣнныхъ помысловъ, не беремся ли мы за изслѣдованіе совсѣмъ недоступнаго, не простираемъ ли руки къ древу знанія, нынѣ возбраненнаго намъ. и т. под.—имѣемъ слова самого Откровенія: *Не запечатлѣй словеса пророчества книги сея, яко время близъ есть* (XXII, 10). Но слова пророчества книги сея сами по себѣ, безъ изслѣдованія, оставались бы, очевидно, подъ печатію. Значить, откровеніе и преподано было самому Тайновидцу прямо для того, чтобы это откровеніе, какъ и другія Божественныя писанія, христіане разслѣдовали и выяснили для себя, по Христову слову: *Испытайте писаній* (Іоан. V, 39). Другое мѣсто: *Блаженъ чтый, и слышащій словеса пророчества, и соблюдающій писаная въ немъ: время бо близъ* (I. 3). Но очевидно, нѣтъ никакого блаженства читать или слышать слова пророчества Апокалипсическаго, но не разумѣть ихъ, а не разумѣя, какъ *соблюдать* словеса пророчества? Посему-то эта св. книга изъ ранней христіанской древности была въ живомъ употребленіи у св. отцовъ и учителей Церкви, была и изъясняема ими, какъ это мы уже знаемъ изъ вышеприводимыхъ святоотеческихъ свидѣтельствъ, несмотря на то, что тогда была далеко не такая значительная сумма событій христіанскихъ временъ, какую имѣемъ мы для раскрытія смысла таинственныхъ пророчествъ самымъ ихъ исполненіемъ. Руководительный для насъ духъ святоотеческихъ воззрѣній на Апокалипсисъ выражень въ дошедшемъ и до нашихъ временъ толкованіи св. Андрея Кесарійскаго или Критскаго. Въ предостереженіе же отъ произвольности новѣйшихъ мечтательно-мистическихъ толкованій Апокалипсиса или отъ враждебнаго духа партій проникающаго изъясненія римско-католическія и:

протестантскія, имѣемъ другое слово откровенія, грозное для извращающихъ смыслъ этой книги: *с свидѣтельству всю кому слышащему пророчества книги сей: аще кто приложитъ къ симъ, наложитъ Богъ на него язвы, написанныя въ книзѣ сей: и аще кто отъиметъ отъ словесъ книги пророчества сего, отъиметъ Богъ часть его отъ книги животныя, и отъ града святого, и написанныя въ книзѣ сей* (XXII, 18—19).

Соображая съ современными намъ обстоятельствами христіанскаго міра трудности, опасности и нужды Церкви, по которымъ данъ былъ Апокалипсисъ, мы можемъ примѣтить, что такія же трудности, опасности и нужды только не по внѣшности, а по духу ихъ тяготѣютъ на христіанствѣ и въ наше время. Съ одной стороны, всевозможныя чуждыя или чуждающіяся Христа идеи и начала представляютъ невышій, духовный родъ язычества или идолопоклонства, губящаго неисчислимое множество душъ въ христіанскомъ мірѣ, послѣдующаго и томящаго разнообразно и прочія, остающіяся вѣрными Христу души. Съ другой стороны, самое соблюденіе и разумѣніе вѣры, останавливающееся у многихъ преимущественно на ея буквѣ, на внѣшности ея учреждений, а мало входящее въ живой ея духъ—въ это существо и силу православія, и у иныхъ даже воспламеняющееся неразумною ревностію противъ человѣколюбиваго направленія и духа, раскрытаго въ Христовомъ крестѣ или въ самопожертвованіи за грѣшныхъ и заблуждающихъ людей Агнца Божія,—представляетъ новый, духовный родъ іудейства, горделиво поднимающій голову во имя учреждений и памятниковъ вѣры, Божія закона, церковности. Въ однихъ виденъ жесткій и низкій рабскій духъ, въ другихъ—стремленіе къ разнузданности. Тамъ развивается односторонность просвѣщенія и самой разумности, знать не хотящихъ Христа, истиннаго свѣта, просвѣщающаго всякаго человѣка, и углубляющихся потому въ глубины не Божіи, а сатанины; здѣсь упорствуетъ мраколюбіе, воюющее противъ разума и знанія, вѣрѣ же служащихъ,—не хотящее также знать того, что Христосъ чрезъ свое Боговочеловѣченіе усвоилъ Себѣ Самому человѣчскій разумъ, умеръ за грѣхи знанія не менѣе, чѣмъ и за всякіе другіе человѣческіе грѣхи. Любовь между людьми изнеушася не только отъ умноженія пороковъ, но и

отъ эгонстической борьбы многообразныхъ воззрѣній и мнѣній; нечеловѣколюбивый духъ поддерживается неразуміемъ самой ревности по Богу и церкви. Безпечность, духовное самодовольство и усыпленіе, безразличное отношеніе къ правдѣ и неправдѣ въ вѣрѣ и жизни, христіанство у многихъ только по имени, безчувственное невниманіе къ грядущему суду Божию надъ міромъ, сокровенно дѣйствующему и нынѣ въ судьбахъ міра,—въ наше время усилились едва ли не болѣе чѣмъ въ другое время. Во всемъ этомъ явно отражаются духовныя трудности, опасности и нужды, по которымъ данъ былъ Апокалипсисъ. Это достаточно завѣряетъ насъ въ особенной потребности для нашего времени въ разъясненіи Апокалипсиса, какъ Божественнаго руководства для вѣры среди нынѣшнихъ затрудненій и бѣдъ духовныхъ.

Конечно, истина Христова разъяснена давно уже святыми отцами и соборами вселенскими и помѣстными, но именно въ то время, когда закончился уже періодъ вселенскихъ соборовъ, отпала отъ православія, по крайней мѣрѣ, цѣлая треть христіанскаго міра, составивъ свой видъ (неправославнаго) католичества—именно римское католичество, отъ котораго потомъ отпали разные виды самочинно преобразованнаго христіанства. Это распространило на весь христіанскій міръ сумракъ многихъ превратныхъ понятій и направленій. — Правда, древній Востокъ остался вѣренъ православію, но онъ подпалъ многовѣковому плѣну и рабству подъ магометанскимъ игомъ, стѣсняющему свободное раскрытіе христіанскаго духа и истины. Правда, наконецъ, что свѣжія славянскія пламена вошли въ православную Церковь, и между ними могущественная Россія неотступно держится православія. Но духъ неправославнаго Запада, духъ деспотизма папскаго, духъ самочинія и своенравія реформатскаго, воспомоществуемые западною развитою цивилизаціею и образованіемъ, разнообразно приражаются и къ намъ, православнымъ славянскимъ племенамъ, къ ослабленію духа православія. И что всего затруднительнѣе,—многое лучшее и слѣдовательно достойное православія отвергается или заподозривается нами только потому, что оно идетъ съ Запада; равно и многое худшее, составляющее случайный отъ обстоятельствъ наростъ въ духѣ нѣкоторыхъ православныхъ отстаетъ имя во имя самого православія, а другими по-

тому вмѣняется въ предосужденіе православію. Чувствуется многими потребность въ обновленіи жизненныхъ основъ, а нѣкоторыми овладѣваетъ даже дикое стремленіе разрушить существующій порядокъ вещей. Изъ такихъ запутанностей и трудностей нашего времени, къ которымъ приравняется развѣ древній Вавилонскій плѣнь, выйти міру и самой вѣрѣ нашей возможно-ли безъ прямаго воззрѣнія къ десницѣ Вседержителя, расположившей заранѣе все судьбы міра и Церкви и назначившей вывести и новаго Израиля изъ отяготѣвшаго на многихъ, многихъ въ немъ Вавилонскаго плѣна? Видна, повторимъ, особенная потребность для нашего времени въ разъясненіи апокалипсическихъ видѣній о судьбахъ міра и Церкви; а огромная сумма многовѣковыхъ событій представляетъ удобство къ этому разъясненію Апокалипсиса.—

V.

Послѣдовательный порядокъ изслѣдованій.

Обозрѣвать и изслѣдовать содержаніе Апокалипсиса требуется не иначе, какъ по составнымъ его частямъ; посему порядокъ нашего изслѣдованія опредѣляется составомъ и порядкомъ самой книги.—Въ самой же книгѣ, послѣ краткаго предисловія, вводящаго въ полный составъ ея (I. 1—3), содержится прежде всего (какъ сказано выше) откровеніе о состояніи и судьбахъ частныхъ малоазійскихъ церквей, предлагаемое въ образецъ для всей Вселенской Церкви въ различныхъ ея состояніяхъ и судьбахъ (первыя три главы), а потомъ раскрытіе въ видѣніяхъ судьбы Вселенской Церкви. Итакъ, мы и должны начать наши изслѣдованія объ Апокалипсисѣ съ этого предисловія и откровенія о частныхъ малоазійскихъ церквахъ. Потомъ будемъ изслѣдовать по отдѣленіямъ видѣнія о судьбахъ всей Вселенской Церкви Христовой. Это составитъ самую главную и обширную часть нашихъ изслѣдованій. И наконецъ, такъ какъ Апокалипсисъ, будучи самъ по себѣ Божественнымъ руководствомъ для вѣры, указываетъ еще небесное руководство на странствованіе Вселенской Церкви и въ другихъ откровеніяхъ.—то раскрытіе этого руководственнаго значенія Апокалипсиса заключитъ наши изслѣдованія.

Ислѣдованія Апокалипсиса.

Предисловіе или надписаніе самого Тайнозрителя къ Апокалипсису.

Предисловіе или болѣе.—надписаніе св. Іоанна Богослова къ Апокалипсису слѣдующее: *Апокалипсисъ Іисуса Христа, егоже даде Ему Богъ, показати рабомъ Своимъ, иже (чему) подобаетъ быти вскорѣ: и сказа, пославъ чрезъ Ангела Своего, рабу Своему Іоанну: иже свидѣтельствова Слово Божіе, и свидѣтельство Іисусъ Христово, и елика видѣ. Блаженъ чтый, и слышащій словеса пророчества, и соблюдающій писаная въ немъ: время бо близъ (I, 1—3).* Тайнозритель здѣсь говоритъ о первоначальномъ источникѣ и назначеніи откровенія, изложеннаго въ книгѣ, о предметѣ откровенія, о посредствующихъ орудіяхъ откровенія и о спасительномъ значеніи его для вѣрующихъ.

О первоначальномъ источникѣ и назначенія откровенія сказано такъ: *Апокалипсисъ Іисуса Христа, егоже даде Ему Богъ, показати рабомъ Своимъ.* Взглядъ на происхожденіе откровенія, выраженный здѣсь, совершенно достоинъ возвышеннаго созерцателя, каковъ св. Іоаннъ Богословъ. Господь Іисусъ Христосъ изрекъ о своемъ всевластномъ и общемъ Ему со Отцемъ Божествѣ: *Вся Мнѣ предана суть Отцемъ Моимъ, и никтоже знаетъ Сына, токмо Отецъ, ни Отца кто знаетъ, токмо Сынъ, и емуже аще волитъ Сынъ открыть (Матѣ. XI, 27).* Соотвѣтственно тому, что отъ Отца все предано Сыну, какъ собственность, исполнѣ и естественно Ему принадлежащая настоящае откровеніе есть существенная собственность Христа, Сына Божія: *Апокалипсисъ Іисуса Христа.* Соотвѣтственно тому, что *Отца и внутреннія Его тайны знаетъ токмо Сынъ, и емуже благоволилъ Сынъ открыть,*—на-

стоящее откровеніе тайнъ Божіихъ послѣдовало отъ Отца чрезъ Сына: *егоже* (т.-е., Апокалипсисъ или откровеніе) *даде Ему* (т.-е., Христу, Сыну Божію) *Богъ* (очевидно, Богъ Отець) *показати работъ Своимъ*. Итакъ о первоначальномъ источникѣ и происхожденіи откровенія сказано здѣсь строго согласно съ понятіями о Божествѣ и личныхъ отношеніяхъ къ Отцу Христа Сына Божія.

При семъ однако должно замѣтить въ словахъ Тайнозрителя, что онъ созерцаетъ Господа Иисуса не въ одномъ Его Божествѣ, но въ Богочеловѣчествѣ; ибо имя Иисуса Христа свойственно Сыну Божію въ Его вочеловѣченіи. Равнымъ образомъ подъ дарованіемъ Ему отъ Бога Отца откровенія, очевидно, разумѣется не предвѣчное въ совѣтѣ и единосущіи Божества откровеніе всѣхъ тайнъ Отца Единородному Сыну или въ Самомъ Сынѣ; напротивъ настоящее откровеніе *даде Богъ* Иисусу Христу съ тѣмъ уже, чтобы *показати* оное *работъ* Божіимъ въ извѣстное и опредѣленное время. Посему разсматриваемое выраженіе Тайнозрителя относится къ Сыну Божію собственно въ Его вочеловѣченіи. Объ откровеніи тайнъ Сыну Божію въ Его человѣчествѣ такъ сказано Имъ Самимъ: *Отецъ любитъ Сына и вся показываетъ Ему, яже Самъ творитъ, и больша сихъ покажетъ Ему отъла, да вы чудитесь* (Іоан. V, 20). Послѣдовательное и повременное *показаніе* или откровеніе можно разумѣть не иначе, какъ относительно Сына Божія въ Его вочеловѣченіи, и именно относительно Его человѣчества. И потому мысль этого мѣста можно такъ изложить: «любовь Бога Отца, существенно въ Единородномъ почивающая и вѣчно открытая Ему со всѣми своими сокровищами и тайнами, болѣе и болѣе вводила самое человѣчество Его въ обладаніе своими внутренними сокровищами и тайнами. А такъ какъ Единородный воспріялъ человѣчество собственно ради человѣковъ, то открываемыя въ Его человѣчествѣ сокровища и тайны, или внутреннія дѣйствія Бога Отца раскрывались именно для человѣковъ къ ихъ просвѣщенію и спасенію: *Отецъ любитъ Сына и вся показываетъ Ему, яже Самъ творитъ, и больша сихъ покажетъ Ему отъла, да вы чудитесь*». Приложимъ эту возвышенную мысль къ происхожденію и назначенію Апокалипсиса, и изреченіе о семъ Тайнозрителя будетъ вполне понятно. Откровеніе грядущихъ судьбъ преподано чрезъ Іоанна Церкви спуска не одинъ де-

сятокъ лѣтъ по вознесеніи Христовомъ, слѣдовательно оно отъ Бога-Отца дано Небесному и Божественному Ходатаю Христу для сообщенія Церкви не иначе, какъ уже въ прославленной Его жизни. Правда, Господь Иисусъ во время земной жизни Своей уже владѣлъ (въ самомъ Своемъ человѣчествѣ) тайною судебъ Церкви и міра, что Онъ и раскрылъ ученикамъ, желавшимъ знать о разрушеніи Иерусалима и о кончинѣ міра (Матѣ. XXIV). Но притомъ Онъ, не обинуясь, замѣтилъ, что вѣдѣніе о рѣшительныхъ судьбахъ міра, обстоятельное и точное до подробностей, до опредѣленія часа и дня, принадлежитъ только Отцу; и слѣдовательно Самому Христу, Сыну Божію, принадлежало только по Его Божеству, общему съ Отцемъ, а еще было нѣкоторою тайною для Его человѣчества. *О дни же томъ и часъ никто же вѣсть, ни Ангели, иже суть на небесахъ, ни Сынъ* (очевидно въ во-человѣченіи или по человѣчеству, ибо по Божеству Онъ, какъ Сынъ, въ лонѣ Отца вѣчно пребывающій, не могъ не знать), *только Отець* (Мр. XIII, 32). Когда же Христосъ, прославившись вступилъ и по своему человѣчеству въ препрославленную жизнь Своего Божества, то любовь Отца, почивающая въ Единородномъ, открыла и Его человѣчеству тайны будущаго въ такомъ же свѣтѣ, въ какомъ онѣ отъ вѣчности вѣдомы Его Божеству. Это и значить: *Апокалипсисъ Иисуса Христа, егоже даде Ему Богъ*. И дѣйствительно, изъ самой книги, гдѣ будущее опредѣляется числомъ и сроками, видно, что откровеніе, данное Христу отъ Бога, объемлетъ тайну будущаго даже съ численною точностію. А какъ самое прославленіе Богочеловѣчества Христова служить ко спасенію и славѣ человѣковъ, такъ что Богъ, по Апостолу, *сущихъ насъ мертвыхъ... съ Нимъ воскреси и спосади на небесныхъ во Христвъ Иисусъ* (Еф. II, 5—6), то отсюда и объясняется то назначеніе даннаго Христу откровенія, чтобы при первой же возможности и потребности явить оное пріемлющимъ человѣкамъ къ просвѣщенію вѣры и къ посрамленію невѣрія. И вотъ, *Апокалипсисъ или откровеніе даде Христу Богъ показати работъ Своихъ*.

Предметъ откровенія такъ обозначенъ: *имже побобатъ быши вскоръ*. Главная мысль Апокалипсиса та, какъ мы уже видѣли, что *грядетъ и не коснитъ пріити Самъ Иисусъ Христосъ прославить Свою Церковь и низложить всѣхъ*

Своихъ и ея враговъ. По отношенію къ грядущему и не коснящему Господу все будущее и берется здѣсь во вниманіе, потому что все оно и представляется, какъ *подобающее* или имѣющее *быти вскорѣ*. Въ отношеніи къ вѣчному и всегда готовому открытъ Свою славу Господу, *никакой рядъ* временъ не можетъ представляться продолжительнымъ или отдаляющимъ второе Его пришествіе: *предъ Господемъ... и тысяща лѣтъ, яко день единъ* (2 Петр. III, 8). И Тайнозритель. по внушенію Духа Святаго, живо сознавалъ и ощущалъ готовность Господа прійти со славою.—такъ что какъ бы видѣлъ уже Его грядущаго: *Се грядетъ со облаки*. Посему свойственно было ему о всѣхъ грядущихъ судьбахъ Церкви и міра, предрекаемыхъ отъ Него съ такою обстоятельностью, сказать: *имже подобаетъ быти вскорѣ*. *Время близъ*,—говорить онъ далѣе (3 ст.). Такъ, напротивъ, люди послѣднихъ временъ, предполагая во Христѣ коснѣніе или медлительность, будутъ представлять послѣднія судьбы міра *подобными быти еще нескорѣ*, и потому при всѣхъ признакахъ скорости пришествія Христова будутъ застигнуты имъ нечаянно, какъ татемъ въ нощи (I Сол. V, 2). Можно притомъ разумѣть и такую *скорость* предреченій Апокалипсическихъ, что эти предреченія немедленно и начнутъ совершаться въ событіяхъ, разумѣется, постепенно и съ историческою послѣдовательностію временъ.

Орудія откровенія: *И сказа, пославъ чрезъ Ангела Своего рабу Своему Іоанну, имже свидѣтельствована слово Божіе и свидѣтельство Іисусъ Христово и елика видѣ*. Итакъ прочимъ рабамъ Божиимъ, или Церкви, дано откровеніе чрезъ Іоанна, а самому Іоанну—чрезъ Ангела. Посредствующее служеніе Ангельское Апостоль Павелъ относитъ къ образу откровенія Ветхаго Завѣта, а о совершившемся въ Новомъ Завѣтѣ спасеніи учитъ, что оно, *зачало пріемше глаголатися отъ Господа, слышавшими отъ Него Самого въ насъ известися, сосвидѣтельствующу Богу знаменми же и чудесы, и различными силами, и Духа Святаго раздѣленми* (Евр. II, 3—4). Образъ откровенія Новаго Завѣта, очевидно, высоко превосходитъ Ветхаго Завѣта, на что и указываетъ Апостоль Павелъ въ приведенномъ мѣстѣ. Спрашивается: ужели откровеніе, изложенное въ послѣдней св. книгѣ Новаго Завѣта, преподано по ветхозавѣтному? Надобно точнѣе

узнать изъ самой этой книги, каковъ былъ образъ сообщенія Іоанну настоящаго откровенія и каково здѣсь было служеніе Ангела,—и это сличить со свойствами вообще откровенія новозавѣтнаго. Господь, отходя на страданіе и смерть, сказалъ земнымъ служителямъ откровенія новозавѣтнаго: *Еще мало, и міръ ктому не увидитъ Мене, вы же увидите Мя: яко Азъ живу, и вы живи будете* (Іоан. XIV, 19). *Вы друзи Мои есте,.. яко вся, яже слышахъ отъ Отца Моего, сказахъ вамъ* (XV, 14—15). Такъ или въ такомъ именно духѣ и дано Іоанну откровеніе о будущихъ судьбахъ міра, именно: Самъ Господь Іисусъ возводитъ возлюбленнаго своего ученика къ созерцанію таинственныхъ судебъ Божіихъ, какія должны совершиться въ міръ и Церкви, и Самъ же первый на семь зрѣлищъ является, какъ основаніе и Опредѣлитель этихъ судебъ, ободряя и возвышая Апостола къ созерцанію неудобовыносимой для него славы небесной Своей жизни: *Егда видѣхъ Его, падохъ къ ногамъ Его яко мертвъ: и положи десницу свою на мнѣ, глаголя ми: не бойся: Азъ есмь первый и послѣдній, и живой, и быхъ мертвъ, и се живъ есмь во вѣки вѣковъ, аминь: и имахъ ключи ада и смерти. Напиши убо, яже видѣхъ еси, и яже суть, и имже подобаетъ быти по семъ* (I, 17—19. Слч. IV, 1). Это, очевидно, не ветхозавѣтная прикровенность и сыновность, обыкновенно сопровождавшая и возвышеннѣйшія видѣнія и откровенія въ Ветхомъ Завѣтѣ, но свойственное Новому Завѣту созерцаніе славы Господней откровеннымъ лицомъ (2 Кор. III, 18). Въ чемъ же состояло служеніе Ангела при сообщеніи Іоанну откровенія? Ангель является сопутникомъ и руководителемъ Тайнозрителя въ открытой ему области пророчесственныхъ видѣній. Такъ, изъ рукъ Ангела Іоаннъ беретъ книжицу и, по его приказанію, снѣдаетъ ее, затѣмъ слышитъ отъ него внушеніе обязанности *пророчествовать въ людяхъ, и въ племенахъ, и во языцехъ, и царствъ многихъ* (X, 9—11). Ангель же, какъ видно изъ связи рѣчи, вручаетъ Тайнозрителю трость для измѣренія созерцаемаго храма (XI, 1 и слѣд.). Ангель показываетъ ему и изъясняетъ судъ надъ великою блудницею-Вавилономъ (XVII). Ангель же показываетъ ему и *невѣсту Агнчу, святой Иерусалимъ, нисходящъ съ небесе отъ Бога* (XXI, 2 и сл.). (Не говоримъ о множествѣ разныхъ Ангеловъ, которые являлись,

какъ служители собственно совершенія судовъ Божіихъ, а не откровенія объ этомъ Іоанну). Но относительно такого руководительнаго служенія ангельскаго при сообщеніи Іоанну откровенія должно замѣтить слѣдующее: во первыхъ, въ таинственную область видѣній, гдѣ былъ Ангель спутникомъ и руководителемъ Апостола Іоанна, самъ Іоаннъ предварительно долженъ быть восхищенъ и быть восхищенъ отъ Св. Духа: *Быхъ въ дусъ въ день недѣльный*,—говоритъ онъ о семъ состояніи; да и былъ поставленъ въ этой недвѣдомой области Духа открыто отъ Самого Христа: *Положи десницу Свою на мнѣ, глаголя ми: не бойся* (о чемъ выше была уже у насъ рѣчь). И во вторыхъ, Ангель сопутствовалъ Іоанну и руководилъ его въ области видѣній совершенно различнымъ образомъ отъ служенія ангельскаго при откровеніяхъ ветхозавѣтныхъ. При служеніи Ангеловъ преподаваемъ былъ законъ Моисеевъ; но тогда ужасъ и трепетъ одержалъ всѣхъ, даже и самого Моисея,—отражался и на видимой природѣ (Евр. XII, 18—21). Давиду являлся и открывалъ тайны Божіи также Ангель; но пророкъ невольно повергался въ прахъ и едва не умиралъ отъ страха предъ явленіемъ ангельскимъ,—едва выносилъ слова небожителя и даже послѣ оставался иногда больнымъ *дни многи* (Дан. VIII, 27). Что же видимъ въ Апокалипсисѣ Іоанна? Небесный руководитель, истинно какъ другъ и собратъ, сопутствуетъ Тайнозрителю и бесѣдуетъ съ нимъ. Не разъ, правда, смиренный, восхищенный величіемъ и свѣтомъ видѣній, Іоаннъ, по свободному влеченію и расположенію духовному, пытался *поклониться на ногу Ангела*, показывающаго ему такіа видѣнія (XIX, 10, XXII, 8—9). Что же св. Ангель? Съ братскою любовію удерживалъ его отъ такого выраженія благоговѣйныхъ предъ нимъ чувствъ: *Виждь, ми*,—говоритъ онъ возлюбленному Христову ученику и Апостолу,—*клевреть бо твой есмь... Богу поклонися* (тамъ же). Очевидно, что это есть благодатное общеніе этихъ Божіихъ служителей—небеснаго Ангела и также небеснаго по духу челоувѣка. Итакъ, ангельское служеніе при откровеніи не только не противорѣчитъ новозавѣтному характеру откровеній, но и само по себѣ есть принадлежность и блескъ открытой новозавѣтной благодати. Правда, и Іоаннъ Богословъ такъ пораженъ былъ однажды свѣтомъ видѣній, что палъ какъ

мертвый, но это было при видѣніи славы Самого Господа (I, 17), Который благодатно и подкрѣпилъ Своего возлюбленнаго ученика для принятія откровенія (I, 17. 19 и дал.).

О самомъ Апостолѣ Іоаннѣ, какъ органѣ и посредникѣ откровенія, была уже рѣчь при изслѣдованіи о подлинномъ происхожденіи книги отъ Апостола Іоанна. Тамъ же разсмотрѣны и эти слова Апостола о себѣ самомъ: *уже свидѣтельствова Слово Божіе и свидѣтельство Іисусъ Христово и елика видѣ*. Общая мысль объ Апостолѣ-тайновидцѣ понятна здѣсь сама собою. Но разныя здѣсь выраженія были уже изъяснены, какъ относящіяся къ разнымъ предметамъ; ибо иначе было бы здѣсь нѣкоторое тождесловіе. Такъ *свидѣтельство о Слово Божіемъ* есть въ особенности Евангеліе, которое Іоаннъ писалъ или имѣлъ еще написать, и въ которомъ излагается возвышенное ученіе о Богѣ Словоѣ. *Свидѣтельство Іисусъ Христово* есть особенное ученіе о Христѣ въ посланіяхъ, ссылающееся на свидѣтельство о Христѣ небесныхъ и земныхъ свидѣтелей (I Іоан. V, 7. 8). *Елика видѣ*:—рѣчь объ апокалипсическихъ видѣніяхъ. Впослѣдствіи, увидимъ, и притомъ, Богъ дастъ, на твердыхъ основаніяхъ, что эта книга пренеполнена такого рода таинственными указаніями на разные предметы.

Спасительное значеніе Апокалипсиса для вѣрующихъ такъ выражено: *Блаженъ чтый и слышащій словеса пророчества и соблюдающій написаная въ немъ: время бо близъ*. Мысль о блаженствѣ внимающаго откровенію и вѣрно соблюдающаго его во всей ясности можетъ раскрыться уже по объясненіи содержанія книги. Ибо чрезъ чтеніе или слышаніе *словесъ пророчества* Апокалипсическаго достигнуть блаженства, безъ сомнѣнія, нельзя, не разумѣя читаемаго или слышаннаго. Теперь довольно ограничиться однимъ общимъ соображеніемъ о блаженствѣ читающихъ или слушающихъ и соблюдающихъ Апокалипсисъ.—Въ книгѣ главная и общая мысль *о не коснящемъ прити* въ славу—Господѣ Іисусѣ. Если бы только съ живою вѣрою вникать даже въ эту общую мысль и вѣрно соблюдать ее въ умѣ и сердцѣ, къ чему и служить руководствомъ Апокалипсисъ, то и чрезъ это по истинѣ блаженъ былъ бы такой вѣрующій. Блаженъ и потому, что и живя на землѣ еще, въ духѣ онъ имѣлъ бы *свидѣтельство небесное*, постоянно предѣрѣвъ бы онъ предъ собою

Господа, не коснящаго открыться въ славъ, и предущущаго бы эту славу Грядущаго, потрясающаго и нынѣ небо и землю, міръ невидимый и видимый, и съ вседержавною властію и съ правымъ судомъ располагающаго судьбами міра и Церкви. Блаженъ и потому, что не дремалъ бы онъ духовно; и слѣдовательно, во всякомъ случаѣ былъ бы свободенъ отъ опасности быть застигнутымъ отъ Судіи нечаянно и безъ должнаго къ тому приготовленія. Отсюда, наконецъ, блаженъ онъ и потому, что вѣчное блаженство было бы вѣрнымъ удѣломъ его, какъ бодрствующаго и вѣрнаго раба, постоянно ожидающаго пришествія Господина Своего. *Блаженъ рабъ той,*—сказалъ Самъ Господь, — *егоже, приидеть Господь его, обрящетъ тако творяща. Аминь глаголю вамъ: яко надъ всѣмъ имѣніемъ своимъ поставитъ его. Аще ли же речеть злыи рабъ той въ сердце своемъ: коснитъ господиинъ мой прити... пріидеть господиинъ раба того въ день, въ оньже не часть, и въ часъ, въ оньже не вѣсть, и растешеть его полма и часть его съ невѣрными положитъ : ту будетъ плачъ и скрежетъ зубомъ* (Матѳ. XXIV, 46—51). Итакъ, поистинѣ блаженъ чтый и слышай (съ живою вѣрою, конечно; ибо слово слышанія, неразтворенное вѣрою, не пользуется) — *чтый и слышай словеса пророчества сего*, руководящаго къ постоянному ожиданію славнаго явленія Господня; *блаженъ соблюдающій написаная въ семь откровеніи, или вѣрно слѣдующій предлагаемому здѣсь руководству, что бы постоянно предзрѣть грядущаго Господа и быть постоянно готовымъ къ Его срѣтенію. Время бо близъ есть* : Самъ по себѣ Господь ежеминутно готовъ открыться въ славъ Судіи и не *коснитъ, не медлитъ, а только долготерпитъ о насъ, не хотя, да кто погибнетъ*; по-сему-то и блаженъ слѣдующій руководству откровенія, чтобы постоянно быть готовымъ и духомъ взирать ко второму пришествію Господню. Въ особенности, когда Господь даетъ свѣтъ къ выясненію пророчествъ апокалипсическихъ, надо помнить и живо принимать къ сердцу это предостереженіе: *время близъ есть*. Господь, объемля равно всѣ времена, какъ вѣчный, и равно дорожа людьми всѣхъ временъ, по благодати Своего вочеловѣченія, безъ сомнѣнія, даетъ свой свѣтъ особенно такому времени, къ которому особенно близитея исполненіе наиболѣе рѣшительныхъ и роковыхъ проро-

чество—считливъ, блаженъ имѣющій *очи видѣти и ухо слышати* въ такое время тайну этихъ пророчествъ.

Такимъ образомъ предисловіе Апокалипсиса, при всей своей краткости, точно, возвышенно и назидательно опредѣляетъ первоисточное начало и цѣль этого великаго откровенія, его предметъ, самый способъ сообщенія и наконецъ спасительное значеніе откровенія: и слѣдовательно, совершеннѣйшимъ образомъ оно вводитъ въ область апокалипсическихъ прореченій и откровеній.

Вступленіе Тайнозрителя въ область таинственныхъ видѣній: вмѣстѣ откровеніе о семи Малоазійскихъ Церквахъ (I, II и III главы).

Самое откровеніе о состояніи и судьбахъ частныхъ Малоазійскихъ Церквей, предложенное въ образецъ для всей совокупности вѣрующихъ въ разныхъ ихъ состояніяхъ, имѣетъ такой составъ и порядокъ.

Прежде всего Тайнозритель привѣтствуетъ извѣстныя Церкви, *яже суть во Асіи*, благословеніемъ благодати и мира, присовокупляя къ тому славословіе Благодарителю и указуя на грядущее рѣшительное Его торжество надъ противниками. опредѣляемое самымъ отношеніемъ Его къ міру (I, 4—8).

Потомъ Тайнозритель описываетъ обстоятельства, въ какихъ онъ восхищенъ былъ къ таинственнымъ видѣніямъ, и изображаетъ первое величественное видѣніе Самого Господа, какъ первоначальнаго Источника откровенія и верховнаго Главы Церквей (9—20). Затѣмъ онъ излагаетъ частныя откровенія, преподанныя въ отдѣльности каждой изъ семи Малоазійскихъ Церквей въ образецъ и руководство для всѣхъ вѣрующихъ (II и III главы).

Въ привѣтствіи Тайнозритель сначала обозначаетъ свое имя и число Церквей, къ которымъ обращается съ своимъ привѣтствіемъ: *Іоаннъ семи Церквамъ, яже суть во Асіи*. Въ предисловіи Апостолъ довольно обстоятельно для разумѣющихъ изъяснилъ свое достоинство и служеніе; потому теперь указываетъ на одно только свое имя: *Іоаннъ. Семь Церквей Азійскихъ* далѣе представляются такія: Ефесская, Смирнская, Пергамская, Фіатирская, Сардійская, Филадельфійская и Лаодикійская (I. См. II и III). Спрашивается: почему

Іоаннъ въ своемъ Апокалипсисѣ обращается въ особенности къ этимъ Малоазійскимъ Церквамъ и передаетъ каждой изъ нихъ особенное откровеніе Божіе? Ближайшая и болѣе открытая причина этого состоитъ, конечно, въ томъ, что Апостоль Іоаннъ, избравъ въ свое главное мѣстопробываніе Ефесъ, естественно былъ въ особенно близкихъ отношеніяхъ къ Церкви Ефесской и къ другимъ смежнымъ Церквамъ, и потому свойственно было ему входить и въ частныя нужды и въ затрудненія этихъ Церквей и преподавать на эти нужды и затрудненія особые уроки Слова Божія. Болѣе же сокровенною и глубокою причиною того, что Духъ Святой, восхитившій Іоанна къ таинственнымъ видѣніямъ, имѣлъ въ особомъ виду семь извѣстныхъ Церквей, могло быть слѣдующее: разнообразное духовное направленіе этихъ Церквей и разныя судьбы ихъ представляли выразительные образцы разныхъ состояній и судебъ Вселенской Церкви. Эта мысль вполне уже оправдывается тогда, когда, съ уясненіемъ изъ Апокалипсиса разныхъ состояній и судебъ всей Вселенской Церкви, ясно откроется внутренняя приложимость къ нимъ частныхъ откровеній, данныхъ семи Церквамъ. Что впрочемъ сказанное въ Апокалипсисѣ частнымъ Церквамъ Малоазійскимъ относится вообще ко всѣмъ вѣрующимъ, въ этомъ удостовѣряетъ соединенно съ каждымъ частнымъ откровеніемъ для той или другой Церкви слѣдующее воззваніе: *Имѣяй ухо да слышитъ, что Духъ глаголетъ Церквамъ* (II, 7. 17. 29; III, 6. 13. 22). По смыслу такого воззванія, глаголы Духа, изречаемые Церквамъ, внушаются вообще всякому *имѣющему ухо слышати*, т. е. духовно-внимательному, какимъ долженъ быть всякій вѣрующій. Итакъ, очевидно, что въ откровеніяхъ, данныхъ частнымъ Церквамъ на ихъ частныя нужды и затрудненія, преподаются уроки Св. Духа для всѣхъ вѣрующихъ. Этимъ опредѣляется для насъ должная точка зрѣнія на всю эту часть Апокалипсиса, которая относится къ семи извѣстнымъ Церквамъ.

Сдѣлавъ начальное обращеніе къ семи Церквамъ, Тайнозритель затѣмъ выражаетъ самое существо или главную мысль привѣтствія, именно—благословляетъ христіанъ семи Церквей благодатію и миромъ отъ Бога: *Благодать вамъ и миръ отъ Сущаго и Иже бѣ, и Грядущаго: и отъ семи духовъ, иже предъ престоломъ Его сѣдѣ: и отъ Іисуса Хри-*

ста, *Иже есть свидѣтель вѣрный, Первенецъ изъ мертвыхъ, и Князь царей земныхъ* (I, 4. 5).

Привѣтствовать благословеніемъ *благодати и мира* обычно вообще новозавѣтнымъ священнымъ писателямъ (См. 2 посл. Петр., 2 Иоан., Иуды и почти всѣ Павловы посланія). Это, конечно, по той причинѣ, что *благодать и миръ* объемлютъ собою все, чего христіанинъ и особенно руководитель христіанъ прежде всего и болѣе всего можетъ и долженъ желать себѣ и другимъ. *Благодать*, въ обширномъ смыслѣ и знаменованіи своемъ, есть Божія любовь къ человѣкамъ, открытая въ Господѣ Исусѣ и усвояемая вѣрою въ Него,—изливающая въ приѣмлющихъ спасительныя силы и дарованія Св. Духа и черезъ духовное усовершеніе ведущая ихъ къ торжественному раскрытію своихъ преизобильныхъ сокровищъ въ Царствѣ Славы (2 Кор. VIII, 9. Ефес. I, 6—7. II, 7. Тим. III, 4. Евр. VI, 16. XII, 28. Рим. XIII, 6—8). *Благодатию* въ тѣснѣйшемъ значеніи называются и разныя частныя дарованія Св. Духа, сообщаемыя вѣрующимъ (Рим. I, 5. XII, 6). Въ апостольскихъ привѣтствіяхъ говорится о *благодати* безъ всякаго ограниченія, и притомъ какъ о благопотребной вообще для вѣрующихъ, и потому должно понимать ее въ обширнѣйшемъ и общемъ значеніи; частныя благодатныя дарованія уже сами собою подразумѣваются въ общемъ понятіи благодати. *Миръ*, даруемый вѣрующему свыше, есть троякій: миръ вѣрующаго съ Богомъ, какъ съ Отцемъ, по Христовой благодати и общенію Св. Духа (Рим. V, 1); миръ его всѣми по благодатному участію въ Божіей любви, объемлющей *небесная и земная*, иудеевъ и язычниковъ, и вообще *всѣмъ чловѣкомъ хотящей спастися* (Колос. I, 20. III, 15. Еф. II, 14. I Тим. II, 4. Рим. XII, 18); миръ вѣрующаго внутренній съ самимъ собою по совершенному успокоенію ума и сердца въ спасающей любви Божіей (Филип. IV, 7). Въ привѣтствіяхъ апостольскихъ миръ такъ же, какъ и благодать, и по той же самой причинѣ, должно разумѣть во всей обширности.

Благословеніе *благодатию и миромъ*, свойственное вообще апостольскимъ привѣтствіямъ, въ Апокалипсисѣ отъ особеннаго предмета этой книги имѣетъ особенную выразительность. На предлежащій Церкви и вѣрѣ путь странствованія и подвиговъ невозможно преподать другое болѣе благопо-

требное напутствіе, какъ *благодать и миръ*. Благодать, какъ внутренно объемлющая вѣрующихъ и вооружающая ихъ спасительными силами Св. Духа любовь Божія во Христвѣ, непремѣнно восторжествуетъ надъ всѣми врагами, проведетъ своихъ чрезъ всѣ затрудненія и опасности и раскроется въ вѣчну славу. А какъ непоколебимъ духовный миръ истинно вѣрующихъ, какъ невозмутимо внутреннее успокоеніе ихъ въ любви Божіей и Христовой, изливающейся въ сердца Духомъ Святымъ, это показываютъ слѣдующія слова Псалмопѣвца, въ Ветхомъ Заветѣ только еще предвкушавшаго миръ Божій во Христвѣ: *Богъ намъ приближище и сила... Сего ради не убоимся, вездѣ смущается земля, и преллагаются горы въ сердца морская... Господь силъ съ нами, заступникъ нашъ Богъ Іаковль. Приидите и видите дѣла Божія, яже положи чудеса на земли, отъселя брани до концеъ земли, лукъ сокрушитъ, и сломятъ оружіе, и щиты сожжетъ огнемъ... Разумѣйте, яко Азъ есмь Богъ* (Пс. XLV, 2—3. 8—11). Именно въ этомъ смыслѣ св. Апостоль и Богословъ привѣтствуетъ благодатию и миромъ, какъ то видно изъ его знаменательнаго указанія на источники благодати и мира: *отъ Сущаго, и Иже бѣ, и Грядущаго, и отъ седми духовъ, иже предъ престоломъ Его суть, и отъ Іисуса Христа, Иже есть Свидѣтель вѣрный: Первенецъ изъ мертвыхъ и Князь царей земли.*

Сущій, и Иже бѣ, и Грядущій ¹⁾: Тотъ, Кто есть, былъ и будетъ, Котораго бытіе объемлетъ и прошедшее, и настоящее, и будущее, есть вѣчный въ строжайшемъ смыслѣ слова. *Седми духовъ, иже предъ престоломъ Его суть.*— Это кто? Что это не сотворенные и служебные духи, каковы напримѣръ, упоминаемые въ книгѣ Товита *седмь Ангеловъ, иже приносятъ молитвы Святыхъ, и входятъ предъ славу Святаго* (XII, 15), или каковы упоминаемые и въ Апокалипсисѣ *седмь Ангеловъ, иже предъ Богомъ стояху* (VIII, 2),— это видно уже изъ того, что седмь духовъ представляются здѣсь источниками благодати и мира вмѣстѣ и на ряду съ Вѣчнымъ и Господомъ Іисусомъ Христомъ. Кромѣ того, ниже

¹⁾ Тотъ, который будетъ. Сл. Марк. X, 30 „вѣкъ грядущій“. Такой образъ выраженія о будущемъ времени ваятъ съ живо-типическаго еврейскаго языка.

въ Апокалипсисѣ семь духовъ Божіихъ представляются въ образѣ не только *седми свѣтильниковъ*, горящихъ предъ престоломъ Вседержителя (IV, 5), но и въ образѣ *седми роговъ и седми очей* искушительнаго Агнца, причемъ они названы духами Божіими, посланными во всю землю (V, 6). Отсюда открывается, что это суть такіе *духи*, которые и неотступны отъ престола Вседержителя, и открыты міру во Христѣ, какъ Агнецъ Божіемъ, вземлющемъ грѣхи міра, и дѣйствуютъ по всей землѣ. По этимъ чертамъ въ *седми духахъ* удобно признавать открытыя для міра во Христѣ дарованія Св. Духа, посланнаго отъ Бога Отца на землю, вездѣ сущаго и вся исполняющаго, — Духа, раскрывающаго именно Христову любовь къ грѣшному и гибнущему міру. Такихъ дарованій, почивающихъ во Христѣ и въ Немъ открытыхъ всѣмъ вѣрующимъ, еще пророкъ Исаія исчислилъ именно семь: *И почиетъ на Немъ Духъ Господень, Духъ премудрости и разума, Духъ совѣта и крѣпости, Духъ вѣдѣнія и бла гочестія, и исполнитъ Его Духъ страха Божія* (Ис. XI, 2. 3. Пророкъ Захарія въ основномъ для Сіона Камнѣ, который есть не кто иной, какъ Христосъ же, созерцалъ также именно *седмь очесъ Господнихъ, призирающихъ на всю землю* (III, 9. IV, 10).—подобно и какъ новозавѣтный Таинозритель видѣлъ у Агнца также седмь очей или духовъ Божіихъ. Въ Новомъ Завѣтѣ дарованія Святаго Духа называются и сами *духами* (I Иоан. IV, 2. I Кор. XIV, 12). Итакъ, подъ *седмью духами Божіими*, находящимися предъ престоломъ Вѣчнаго, разумѣются главныя проявляющіяся во времени дарованія Св. Духа, какія открыты во Христѣ міру и удобопріемлемы для вѣрующихъ. Нѣтъ несообразности съ достоинствомъ даровъ Св. Духа въ томъ, что эти духи Божіи представляются находящимися предъ престоломъ Божіимъ, какъ свѣтильники, горящіе предъ Богомъ (см. IV, 5). Какъ силы Св. Духа принадлежать Вѣчному, то онѣ и неотдѣлимы отъ Него и взаимно между собою,—по единосущію Лицъ Св. Троицы, и по чистѣйшей простотѣ Божескаго существа. Но поелику силы Духа Святаго раскрываются чрезъ Христа въ мірѣ и сообщаются вѣрующимъ, то, пребывая неотступнымъ отъ престола Божества, Св. Духъ въ то же время или свидѣтельствуетъ духу вѣрующихъ, что они суть чада Божіи, или *ходатайствуетъ о нихъ воздыханми неиз-*

глаголаннѣми и т. п. Въ этомъ отношеніи силы Св. Духа уже могутъ быть различены и дѣйствовать въ раздѣльности одна отъ другой и суть точно, какъ свѣтильники, горящіе предъ престоломъ Божиимъ.

И отъ Иисуса Христа, Иже есть Свидѣтель вѣрный, Первенецъ изъ мертвыхъ, и Князь царей земныхъ.—*Еже вѣлы, глаголемъ,*—говоритъ о Своемъ свидѣтельствѣ Самъ Иисусъ Христосъ, *и еже видѣхомъ, свидѣтельствуемъ* (Іоан. III, 11). *Еже видѣ и слыша, свидѣтельствуеть,*—говоритъ объ Иисусѣ Христѣ Предтеча, указуя въ этомъ самомъ высочайшемъ превосходствѣ Иисуса Христа предъ другими посланниками Божиими, избираемыми изъ *сущихъ отъ земли* (III, 31—32). Это значить, что тогда какъ другіе посланники Божіи возвѣщаютъ волю Божию, не проникая внутрь предвѣчныхъ совѣтовъ Божества, Христосъ глаголетъ, какъ Самъ участвующій въ недоступномъ для тварей совѣтѣ Трїединого Бога, свидѣтельствуеть о томъ, что совершенно видитъ и слышитъ у Отца, какъ *Сый въ Его лонѣ*, какъ Его единосущное Слово. Такой *свидѣтель* есть саможивая и вѣстная Божественная Истина, и принявшій Его свидѣтельство, присовокупляетъ Креститель, тѣмъ запечатлѣвъ, *яко Богъ истиненъ есть* (ст. 33). Такимъ образомъ достаточно раскрытъ глубокой смыслъ этого имени Христова: *свидѣтель вѣренъ*. Название—*Первенецъ изъ мертвыхъ*¹⁾—свойственно Христу въ томъ смыслѣ, что Онъ, чрезъ воскресеніе изъ мертвыхъ войдя и по человѣчеству въ жизнь и славу Своего Божества или въ открытую любовь единосущнаго Ему по Божеству Бога Отца, чрезъ это явился Источникомъ благодатной и вѣчной жизни для самихъ умерщвленныхъ грѣхомъ, Началомъ блаженнаго воскресенія умершихъ: *Христосъ воста отъ мертвыхъ: начатокъ умершимъ бысть... Якоже о Адамѣ вси умирають, такожде и о Христѣ вси оживутъ* (I Кор. XV, 20. 22). Название *Князь царей земныхъ* означаетъ, что державѣ Господа подчинены всѣ власти нашего міра также, какъ и всѣ господствующія въ немъ направленія. *Дадеса Ми всяка власть,*—говоритъ Онъ (Мате. 28, 18).

¹⁾ Это полнѣе раскрыто въ книгѣ: „Нѣсколько статей о св. Апостолѣ Павлѣ. Стр. 39—45.

По изъясненіи частныхъ понятій Тайнозрителя объ Источникѣ благодати и мира, становится понятною и общая мысль всей этой рѣчи. Во первыхъ, Тайнозритель представляетъ источникомъ благодати и мира всё Три Лица Святой Троицы. *Сый, и Иже бы, и Грядый* есть Богъ Отецъ, ибо отличается отъ Иисуса Христа; семь духовъ Божіихъ суть разныя силы и проявленія Бога Духа Святаго; Иисусъ Христосъ, *Свидѣтель вѣрный* есть Богъ Слово во плоти. Второе Лице Святой Троицы Тайнозритель указываетъ послѣ Духа Святаго, подобно какъ Апостоль Павелъ въ прощальномъ привѣтствіи указываетъ на Первое Лице Святой Троицы послѣ упоминанія объ Иисусѣ Христѣ: *Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любви Бога и Отца, и общеніе Святаго Духа со всеми вами* (2 Кор. XIII, 13). Тотъ и другой порядокъ въ исчисленіи Лицъ Святой Троицы согласенъ съ ихъ Божественнымъ равночестіемъ. Во вторыхъ, привѣтствіе или благословеніе *благодатию и миромъ* выражаетъ такую силу:—когда Вѣчный или Тотъ, Кто объемлетъ и настоящее, и прошедшее, и будущее преподаетъ благодать и миръ, то ясно, что никакія превратности времени не могутъ возмутить такого мира или подавить благодати. И чѣмъ можно поколебать зданіе благодати и мира, когда оно утверждается на этихъ семи Божественныхъ столпахъ или силахъ Самого Святаго Духа! И наконецъ, Когда Христосъ. Начало и Источникъ благодати и мира, властвуетъ надъ самыми властями міра, раскрываетъ Свою жизнь въ самой области смерти и есть сама Истина Божія, то *благодать и миръ* несомнѣнно для всѣхъ побѣдоносны и животворны среди самыхъ смертоносныхъ золь и непременно превозмогутъ все высокое и властительное на землѣ. Такимъ привѣтствіемъ Тайнозритель вводитъ привѣтствуемыхъ, можно сказать, въ духъ и внутренній свѣтъ таинственныхъ судебъ Божіихъ, долженствующихъ раскрываться въ мірѣ къ торжеству Церкви и спасенію вѣрующихъ.

Восхитясь же этимъ свѣтомъ, онъ вслѣдъ за тѣмъ воздаетъ открывшему такой свѣтъ—Христу боголѣпную славу: *любящу ны, и омывшу насъ отъ грѣхъ нашихъ кровію Своею: и сотворилъ есть насъ цари. и іереи Богу и Отцу Своему: Тому слава и держава во вѣки вѣковъ, аминь.* Собрываясь съ составомъ рѣчи въ греческомъ подлинникѣ,

можемъ такъ изложить эти слова: «Ему, возлюбившему насъ и омывшему насъ отъ грѣховъ кровію Своею (такъ что сотворилъ Онъ насъ царями и іереями Богу и Отцу Своему) слава и держава во вѣки вѣковъ. Истинно такъ есть, или да будетъ». Названіе *царей и іереевъ* или однимъ словомъ *царственнаго священства* въ Ветхомъ Завѣтѣ прообразовательно усвоилось Израилю (Исх. XIX, 6) и предрекалось о Новомъ Израилѣ—христіанахъ (Исаі. LXI, 6). Въ Новомъ Завѣтѣ эти понятія, какъ и всѣ стороны спасительной истины, раскрыты вполне. Вѣрующимъ дается во Христѣ такая благодать, что вселяется въ ихъ сердцахъ въ силѣ Св. Духа Самъ Іисусъ Христосъ—Князь царей земныхъ—и Отеческое неизмѣнное и всемогущее благоволеніе Вѣчнаго осѣняетъ ихъ. Въ этомъ самомъ смыслѣ они и суть истинно *цари*, которые выше всѣхъ превратностей земныхъ, всѣхъ враждебныхъ нападеній и насилій міра, а напротивъ, сами силою Христовой истины и благодати и своимъ Сыновнимъ дерзновеніемъ предъ Вседержителемъ, своимъ общеніемъ въ любви Господа къ міру, вземлющей его грѣхи и тѣмъ неспровергающей темную державу зла мірскаго,—властвуютъ надъ міромъ. Такъ Христосъ Царь царствующихъ содѣлалъ истинно вѣрующихъ въ Него духовными *царями*. Равнымъ образомъ Христосъ, Вѣчный Первосвященникъ, принесъ Самого Себя Отцу въ искупительную жертву за насъ и всегда ходатайствуя предъ Нимъ о насъ Своимъ Сыновнимъ ходатайствомъ, чрезъ вселеніе Свое въ насъ даровалъ и намъ ту благодать, чтобы и мы, сами себя созидавая въ храмъ духовный, постоянно приносили во Христѣ Богу Отцу духовныя жертвы благихъ мыслей, расположеній и дѣлъ,—жертвы, освященныя Святымъ Духомъ и *благопріятныя Богови Іисусъ Христомъ*. И такимъ образомъ Христосъ, Вѣчный Первосвященникъ, содѣлалъ и насъ *іереи Богу и Отцу Своему*. Само собою разумѣется, что и духовно царственное достоинство и духовное священство вѣрующихъ откроется во всей силѣ и славѣ уже въ горнемъ Іерусалимѣ, гдѣ для ихъ священства Самъ Господь Богъ Вседержитель храмъ есть и Агнецъ (XXI, 22), гдѣ они воцарятся во вѣки вѣковъ (XXII, 5). Изъ показаннаго смысла, въ какомъ вообще вѣрующіе названы царями и іереями, очевидно, что дѣло здѣсь нимало

не касается ни священства ієраhически избранных служителей Церкви, ни тѣмъ паче гражданской власти, а только обозначается духъ священства и властительства.

Тому слава и держава. Что славословіе воздается именно Христу, видно изъ полнаго состава рѣчи самого славословія: *любящу ны и омывшу насъ отъ грѣховъ нашихъ кровію Своею... Тому слава* ¹⁾... То же можно видѣть изъ послѣдующаго: *се грядетъ со облаки и узритъ Его всяко око, и иже Его прободоша.* Рѣчь здѣсь, очевидно, объ Иисусѣ Христѣ, но эти слова стоятъ въ тѣсной связи съ славословіемъ: *Ему слава и держава во вѣки вѣковъ... Онъ грядетъ* и пр. Слѣдовательно, Тайнозритель исповѣдуетъ вѣчную славу и державу собственно Иисуса Христа. Само собою понятно, что нераздѣльно съ Господомъ Иисусомъ воздается слава и Богу Отцу со Св. Духомъ, по единосущію Пресвятыя Троицы.

Какъ привѣтствуя благодатію, столь великою и побѣдоносною, Тайнозритель подвигся чрезъ это къ славословію Благодателя, такъ и исповѣдуя подобающую Христу славу и державу, онъ при этомъ возвышается къ созерцанію рѣшительнаго царственнаго торжества Христа надъ всѣмъ враждебнымъ во второмъ Его пришествіи на землю. *Се грядетъ со облаки, и узритъ Его всяко око, и иже Его прободоша, и плачъ сотворятъ о Немъ вся колѣна земная. Ей, аминь.* Изображеніе это взято со словъ Самого Господа именно о второмъ Его пришествіи: *И тогда восплачутся вся колѣна земная, и узрятъ Сына человеческого, грядуща на облацѣхъ небесныхъ съ силою и славою многою* (Матѣ. XXIV, 30). Слѣдовательно, второе славное пришествіе Христово изображаетъ и Тайнозритель Іоаннъ въ настоящемъ мѣстѣ: *се грядетъ.* Онъ точно уже видитъ предъ собою грядущаго во славѣ Господа и указуя на Него, вводитъ и другихъ въ такое духовное расположеніе, чтобы всегда предзрѣть грядущаго Господа. *Узритъ Его всяко око:* во второе пришествіе Иисусъ Христъ откроется предъ всѣми во всемъ Своемъ Божественномъ величій и славѣ. Теперь вѣрующіе познають и созерцають Его своею вѣрою, тогда узрятъ лицомъ къ

¹⁾ Дателный падежъ „любящу и омывшу“ показываетъ, что сіи слова относятся къ мѣстоименію *Тому слава*: иначе не стало бы грамматическаго порядка въ словахъ.

лицу; невѣрующіе же вовсе теперь не знаютъ Его, тогда и они узрятъ, Кому были непокорны и враждебны, какую славу и силу отвергали и пренебрегали. *И уже Его прободоша*: изъ изличенія этихъ словъ съ Евангеліемъ Іоанна (XIX, 34—37) ясно здѣсь указаніе на тотъ случай, когда, при распятіи Спасителя, *одинъ отъ воиновъ копіемъ ребра Ему прободо*. А такъ какъ при распятіи Господа войны были не столько сами противниками Христовыми, сколько орудіемъ злобы и вражды противъ Него іудеевъ, то *уже Его прободоша* суть не одни войны язычники, но еще болѣе іудеи, осудившіе и распявшіе Спасителя. Такъ какъ, притомъ, къ распинателямъ же Христовымъ относятся словомъ Божиимъ и послѣдующіе презрители Сына Божія и измѣнники вѣры (Евр. VI, 6. X, 29), то произившіе Его на Голгоѣ представляють собою и всѣхъ Христовыхъ враговъ и отступниковъ, духовно язычествующихъ поклонниковъ всякихъ внѣ Христа идей и духовно іудействующихъ противниковъ чловѣколюбивому духу Агнца Божія и Его креста. Увидятъ они въ Божественномъ величіи и славѣ Того, Кому противились упорно и злобно. И это есть высочайшее торжество истины и силы Христовой, когда поносимый, презираемый, гонимый, прямо или сокровенно уязвляемый и распинаемый невѣріемъ или противленіемъ Христосъ откроется предъ очами самихъ этихъ невѣровъ и враговъ въ своей славѣ. Такое торжество Христово надъ врагами и распинателями предречено еще въ Вѣтхомъ Завѣтѣ: *Воззрятъ на нѣ, Егоже прободоша*,—говоритъ Пророкъ Захарія (XII. 10). Словами этого пророчества Тайнозритель отчасти и говоритъ въ настоящемъ мѣстѣ: *узритъ Его всяко око. и уже Его прободоша*. Самъ Господь, не обинуясь, изрекъ Своимъ врагамъ во время самаго суда ихъ надъ Нимъ: *Узрите Сына человеческого, сядящаго одесную силы и грядущаго на облацяхъ небесныхъ* (Матѣ. XXVI, 64).

И плачъ сотворятъ о Немъ вся колѣна земная. Когда Божественная Истина, столь неисчислимымъ множествомъ людей не признаваемая, столь многими затемняемая, извращаемая и отвергаемая, откроется предъ всякимъ окомъ, какъ солнце, въ лицѣ Самаго Иисуса Христа, то едва ли теперь можно и вообразить, какой чрезвычайный стыдъ и снѣдающая сердца жалость должны поразить тогда всѣхъ такихъ людей.

И кто же во всемъ и всегда вѣренъ Божественной истинѣ! А посему какое сокрушительное умиленіе должно исполнить и подвинуть тогда истинно *вся колѣна земная*, когда столь ясны для всѣхъ будутъ великія вины всѣхъ предъ Спасителемъ и Судіею! Пророкъ, провидѣвшій пронзившихъ Христа Распятаго, прозрѣвалъ и всеобщій въ Израилѣ (представитель и Новаго Израиля) плачь о Немъ, когда открыто узрять Царя благодати: *И излю на домъ Давидовъ, и на живущія въ Иерусалимѣ духъ благодати и щедротъ* (въ еврейскомъ текстѣ:—духъ сожалѣнія и умиленія), *и воззрятъ Нань, Егоче прободоша: и восплачутся о Немъ плакииисмъ, яко о возлюбленнѣмъ, и побоятъ о Немъ болѣзнію, яко о Первенцѣ. Въ день онъ возвеличится плачевопльствіе... И восплачется земля по племеномъ племеномъ*. (Зах. XII, 10—12).

Созерцаніе торжества Христова во второмъ пришествіи Его Тайнозритель утверждаетъ усиленнымъ образомъ: *ей, аминь*. Какъ бы такъ говорить: „это такъ непреложно и истинно есть и да будетъ, какъ сама Истина“. И сейчасъ же затѣмъ открывается основаніе такого непреложнаго торжества Христова: *Азъ есмь Алфа и Омега, начатокъ и конецъ, глаголетъ Господь, Сый, и Иже бѣ, и Грядый, Вседержитель*.—*Алфа и Омега* ¹⁾, *начатокъ и конецъ*: по отношенію къ собственному бытію Вседержителя эти названія приличествуютъ Ему, какъ вѣчному,—существующему отъ начала и имѣющему существовать во вѣки вѣковъ; ибо Тому, Кто Самъ есть начало и конецъ, не можетъ быть начала и конца. По отношенію къ бытію тварному Господь Вседержитель есть *Алфа*, или *начатокъ* въ томъ смыслѣ, что не только Онъ есть прежде всего сущаго и сотвореннаго, но въ Его благоволеніи содержатся основанія и условія бытія всяческихъ, или *Имъ* все начало быть. Онъ же есть и *Омега*, или *конецъ* въ томъ смыслѣ, что и послѣднія пѣли всего сущаго опредѣлены Его мыслію, осуществляются по Его предначертанію и должны исполниться чрезъ открытіе въ мірѣ Его славы. *Яко изъ Того, и Тѣмъ*

¹⁾ Алфа и Омега—первая и послѣдняя буквы греческаго алфавита отсюда очевидно, что это выраженіе въ Апокалипсисѣ есть синонимическое словамъ: начало и конецъ.

и въ Немъ всяческая—«все изъ Него, Имъ и къ Нему» (Рим. XI, 36). Такъ глаголетъ именно *Господь Сый, Иже бы, и Грядый*. Выше (въ 4 стихѣ) такъ названъ Богъ Отецъ, но эти Божественныя черты свойственны, по Божественному естеству, и Христу, Сыну Божію, существенному сіянію славы Отчей. Такъ ниже Христось и глаголетъ Самъ отъ Своего лица: *Азъ есмь первый и послѣдній... се живъ есмь во вѣки вѣковъ* (I, 17—18), и въ концѣ Апокалипсиса: *Се гряду скоро... Азъ есмь Алфа и Омега, начатокъ и конецъ, первый и послѣдній* (XXII, 12—13). Итакъ глаголющій Господь Вседержитель есть вообще Господь Богъ, слава и сила Котораго рѣшительно и вполнѣ раскроется для міра во второмъ пришествіи Иисуса Христа, о чемъ непосредственно выше было говорено. Въ связи съ предъидущимъ такъ можно изложить мысль этого глаголанія Вседержителя (въ стихѣ 8): «окончательное и совершенное торжество Христово надъ всѣми врагами непреложно и само по себѣ всегда готово открыться, сокровенно совершаясь во всѣ времена. Ибо Божественная держава вѣчна и притомъ содержитъ въ себѣ какъ первоначальныя условія къ бытію всего, такъ и послѣднія цѣли для всеобщности бытія. Это утверждаетъ непосредственно Самъ Вѣчный и объемлющій всѣ времена Вседержитель: *Азъ есмь Алфа и Омега, начатокъ и конецъ, глаголетъ Сый, и Иже бы, и грядый Вседержитель*».

Разсмотрѣнное столь возвышенное привѣтствіе, соединенное съ славословіемъ и воззрѣніемъ на рѣшительное Христово торжество, какое свойственно вѣчной державѣ Божіей и сокровенно совершается и во времени—въ послѣдовательныхъ судьбахъ Церкви и міра, очень достаточно для того, чтобы настроить духъ читателей откровенія къ высокимъ видѣніямъ. И сейчасъ же Тайнозритель, указавъ на обстоятельства, въ какихъ онъ былъ восхищенъ къ таинственнымъ видѣніямъ, представляетъ первое величественное видѣніе Самого Господа, какъ первоначальнаго Источника всего этого откровенія и верховнаго Главы Церкви.

Обстоятельства, въ какихъ открылись Іоанну видѣнія, такъ онъ изображаетъ: *Азъ Іоаннъ быхъ въ дусѣ въ день недѣльный*. Нами уже предварительно разсмотрѣны эти обстоятельства. Теперь замѣтимъ только слѣдующее: 1. совершенно неосновательно и невѣрно нѣкоторые изъ новѣй-

шихъ (напримѣръ, Ewald) изъясняютъ пребываніе Іоанна на островѣ Патмосѣ въ томъ смыслѣ, будто Тайнозритель переносился или восхищался на этотъ островъ только въ духовномъ видѣніи (подобно тому, какъ Пророкъ Іезекіиль восхищался изъ плѣна своего въ Іерусалимъ и храмъ). Тайнозритель исторически говоритъ о пребываніи своемъ на Патмосѣ и именно за слово Божіе, между тѣмъ какъ о духовномъ восхищеніи прямо выражается: *быхъ въ дусъ* (ст. 10); *и веде мя духомъ* (XXI, 10. XVII, 3). И какое значеніе могъ имѣть Патмосъ для Тайнозрителя или для Церкви, чтобы въ духѣ восхититься для таинственныхъ видѣній именно на этотъ островъ? 2. Восхищеніе къ видѣніямъ послѣдовало въ день недѣльный—съ греческаго, собственно, «въ день Господень». Подъ этимъ именемъ разумѣютъ иные торжественнѣйшій день Пасхи (См. Іерон. *Com. in Math.* с. 24). Но «днемъ Господнимъ» изъ древности назывался и всякій воскресный день. Въ день воскресенія послѣдовало откровеніе, конечно, потому, что воскресеніе Христово, еженедѣльно празднуемое въ извѣстный день, само по себѣ есть торжество Христово надъ смертоноснымъ зломъ, и основаніе къ рѣшительному низложенію зла во всемъ мірѣ: въ такой день вѣрующему и особенно апостольскому духу наиболѣе свойственно возвыситься къ видѣнію того, какъ побѣдоносно ведетъ Господь Свою Церковь къ вѣчному торжеству.

Первоначальное видѣніе (9—20), при которомъ Іоаннъ получилъ какъ бы нѣкоторое посвященіе въ Тайнозрителя судебъ Церкви, представляетъ Христа именно въ величіи и славѣ воскресенія и превознесенія. *Азъ есмь*,— глаголетъ Онъ Самъ,—*живый, и быхъ мертвъ, и се живъ есмь во вѣки вѣковъ* (ст. 18). Это видѣніе такъ изобразилъ видѣвшій: *Быхъ въ дусъ въ день недѣльный и слышахъ за собою гласъ велій яко трубы, глаголющій: Азъ есмь Алфа и Омега, первый и послѣдній: и яже видиши, напиши въ книгу, и послѣи Церквамъ, яже суть во Асїи: во Ефесѣ и въ Смирну, въ Пергамъ, и въ Тиатиръ и въ Сардисъ, и въ Филадельфію, и въ Лаодикію. И обратиися видѣти гласъ, иже глаголаше со мною, и обратився видѣхъ седмь свѣтильниковъ златыхъ: и посреди седми свѣтильниковъ подобна Сыну чловѣчу, облечена въ подиръ и препоясана при сосцу поясомъ златымъ. Глава же Его и*

власи бѣлы, аки ярина бѣлая, якоже снѣгъ: и очи Его яко пламень огненъ: и нозь Его подобни халколівану, якоже въ пеци разжжены, и гласъ Его яко гласъ водъ многъ: и держа въ руцѣ Своей деснѣй семь звѣздъ, и изъ устъ Его мечъ обоюду остръ изостренъ исходяй: и лице Его якоже солнце сияетъ въ силу своей. И егда видѣхъ Его, падохъ къ ногамъ Его яко мертвъ: и положи десницу Свою на мнѣ, глаголя ми: не бойся, азъ есмь первый и послѣдній, и живый, и быхъ мертвъ, и се живъ есмь во вѣки вѣковъ: аминь: и имахъ ключи ада и смерти. Напиши убо, яже видѣлъ еси, и яже суть, и имже подобаетъ быти по семъ: таинство семи звѣздъ, яже видѣлъ еси на десницу Моей, и семь свѣтильникъ златыхъ: семь звѣздъ, Ангелы семи Церквей суть: и семь свѣтильникъ, яже видѣлъ еси, семь Церквей суть.

Что подобный Сыну человѣческому, явившійся Іоанну въ такомъ величїи, есть Самъ Сынъ человѣческій и вмѣстѣ Единородный Сынъ Божїй, Іисусъ Христосъ,—это очевидно изъ собственныхъ Его словъ: *азъ есмь первый и послѣдній, и живый, быхъ мертвъ* и пр. (ст. 17 и 18). Что Господь Іисусъ, хотя явился Іоанну лицомъ къ лицу, однако тайны Своего Лица и отношенїй облекъ отчасти въ таинственные символы,—это также совершенно ясно изъ Его словъ: *таинство семи звѣздъ, яже видѣлъ еси на десницу Моей, и семь свѣтильниковъ златыхъ: семь звѣздъ, Ангелы семи Церквей суть* и пр. (20 ст.). Тайнознаменательный смыслъ иныхъ принадлежностей Явившагося виденъ самъ собою при одномъ указанїи на нихъ, какъ на примѣръ, *обоюду острый мечъ, исходящїй изъ устъ Господа*, имѣетъ очевидно символическое значенїе. Какой же смыслъ всего этого таинственного видѣнїя?

Главное, въ чемъ содержится ключъ къ разъясненїю всего величественнаго и дивно прекраснаго видѣнїя, изъяснено Самимъ Господомъ. Онъ явился Іоанну находящимся или ходящимъ среди свѣтильниковъ златыхъ (ст. 12—13. Стлч. II, 1) и держащимъ въ своей десницѣ семь звѣздъ (I, 16). Тайну сихъ символовъ такъ Онъ истолковалъ Тайнозрителю: *семь звѣздъ Ангелы семи Церквей суть: и семь свѣтильниковъ, яже видѣлъ еси, семь Церквей суть* (ст. 20). Нужно выразумѣть это Божественное истолкованїе тайны. Подъ семью Церквами буквально разумѣются, какъ видно изъ

связи рѣчи, семь Малоазійскихъ Церквей: Ефесская, Смирнская, Пергамская, Ѡтирская, Сардійская, Филадельфійская и Лаодикійская (ст. 11. и 4). Но эти Церкви имѣются здѣсь въ виду, какъ представляющія въ себѣ всю Церковь Вселенскую въ различныхъ ея состоянiяхъ (что выше было уже показано). И такъ Господь Иисусъ Христосъ въ символическомъ видѣнiи явилъ Себя неотступно пребывающимъ какъ среди различныхъ частныхъ Церквей, такъ и вообще среди Вселенской Церкви въ разныхъ ея состоянiяхъ. Онъ открылся именно ходящимъ посреди сихъ тайнознаменательныхъ свѣтильниковъ, какъ озаряющій состоянiе, подвиги и нужды Церквей и располагающій ихъ судьбами. Такъ въ качествѣ *ходящаго посреди* Церквей говоря о Церкви Ефесской (II гл.), Господь указываетъ не только на положенiе и нужды этой Церкви, но и выражаетъ готовность свою сдвинуть съ мѣста ея свѣтильникъ (II, 5). Каждая изъ частныхъ святыхъ Божiихъ Церквей есть точно златый свѣтильникъ предъ Господомъ, потому что свѣтлѣется благодатию и истиною Божіею, какъ свѣтильникъ, и драгоценна въ очахъ Божiихъ, какъ золотой свѣтильникъ. Вся Вселенская св. Церковь есть совершенная и полная совокупность такихъ золотыхъ свѣтильниковъ, ибо число семь есть число полноты и совершенства, какъ то открылось уже при самомъ миротворенiи, продолжавшемся шесть дней и увѣнчанномъ въ своей полнотѣ и совершенствѣ именно седьмымъ днемъ. *Ангели седми Церквей* указуютъ такимъ своимъ именованiемъ, безъ сомнѣнiя, и на небесныхъ свѣтлыхъ духовъ, посылаемыхъ на служенiе спасенiю вѣрующихъ (Евр. 1, 14) и тѣмъ паче на стражу для цѣлыхъ Церквей. Но что въ Апокалипсическомъ видѣнiи подъ символомъ звѣздъ, содержимыхъ Господомъ въ десницѣ, имѣются въ ближайшемъ виду не безплотные св. Ангелы, это ясно изъ ниже изложенныхъ глаголовъ Господнихъ къ Ангеламъ седми Церквей: *любовь твою первую оставилъ еси... покайся* (II, 4. 5); *не бойся ничевоже. иже имаша пострадати* (ст. 16); *имя имаша, яко живъ, а мертвъ еси* (III, 1) и т. п. Такого рода Ангелы, очевидно, не чужды немощей духа и плоти, слѣдовательно, суть Ангелы плотные. Кто же это? Господь глаголетъ имъ далѣе (гл. II и III), какъ представителямъ и попечителямъ Церквей (III, 2): таковы суть священныя предстоятели Церквей, ко-

торымъ и Ветхій Заѣтъ усвоилъ названіе Ангеловъ. *Устъ иереовы сохранятъ разумъ, и закона възвущутъ отъ устъ его: яко Ангелъ Господа Вседержителя есть,*—такъ глаголетъ Самъ Господь Вседержитель въ книгѣ Пророка Малахіи (II, 7). Должно при этомъ взять во вниманіе то, что въ одной изъ упоминаемыхъ здѣсь Малоазійскихъ Церквей, именно въ Ефесской еще прежде узъ Апостола Павла въ Палестинѣ и Римѣ были многіе церковные пастыри (Дѣян. XX, 17), а въ Апокалипсическомъ видѣніи представляется только одинъ Ангелъ въ каждой Церкви, конечно, первоначальствующій ея предстоятель. Изъ этого очевидно, что не вообще священники или пастыри, но собственно или главнымъ образомъ іерархи разумѣются въ Апокалипсисѣ подъ названіемъ Ангеловъ Церквей. И какъ семь Церквей Малоазійскихъ, управляемыхъ Апостоломъ Іоанномъ, суть представительныя и всѣхъ частныхъ Церквей и въ своей общности представляютъ всю Вселенскую, Апостольскую Церковь, то равно іерархи семи извѣстныхъ Церквей представляютъ въ лицѣ своемъ священноначаліе всей Св. Вселенской и Апостольской Церкви до скончанія вѣка. Такимъ образомъ, по Апокалипсическому видѣнію, оказывается, во первыхъ, что іерархи святыхъ Церквей суть плотоносныя *Ангелы Церквей*. Таковы они, какъ вѣстники воли Божіей для вѣрующихъ и ходатаи за нихъ предъ Богомъ, какъ поставленные быть тайноводственнымъ свѣтомъ міру (Матѣ. V, 14). Чинъ іерарховъ есть чинъ небесный уже и потому, что Самъ Царь Небесный—Духъ истины избираетъ и возводитъ въ этотъ чинъ: *Васъ Духъ Святый постави епископы пастыи Церковь Господа и Бога* (Дѣян. XX, 28). Во вторыхъ, іерархи Апостольской Церкви суть какъ бы *звѣзды въ десницѣ Господа Іисуса*. Звѣздами они представлены, конечно по особенному своему назначенію служить благодатному обновительному для людей просвѣщенію ихъ истинною и благодатію Христовой, и вообще по духовной славѣ и свѣтозарности своего чина; такъ какъ звѣзды, по своему положенію на высотѣ небесъ и по свѣтозарности, служатъ выразительнымъ символомъ свѣтлой славы: *Звѣзда бо отъ звѣзды разстаетъ во славу* (I Кор. XV, 41). Эти священнотайственные звѣзды Христосъ держитъ *въ десной рукѣ своей*. Черезъ это выражается особенное благоволеніе Господа къ священноначалію цер-

ковному, подобно тому, какъ еще въ Ветхомъ Заветѣ выражено также благоволеніе къ Сіону Церкви: *Се на рукиѣ Моихъ написахъ стѣны твоя, и предо Мною еси присно* (Исаі. XLIX, 16), а вмѣстѣ съ тѣмъ показывается особенное испытательное вниманіе Господа къ симъ стражамъ Церкви, къ ихъ достоинствамъ и недостаткамъ, заслугамъ и немощамъ, каковое вниманіе видно изъ дальнѣйшихъ откровеній, назначенныхъ для Ангеловъ семи Церквей;—и наконецъ обозначается благодатная твердость и непрерывность въ Церкви *священноначалія* — сего корня тайноводственной *благодати* ¹⁾. Ибо Самъ Господь говоритъ о содержимыхъ въ руцѣ Его: *Не восхититъ ихъ никтоже отъ руки Моея* (Іоан. X, 28).

Выразумѣвъ главное въ видѣніи, истолкованное Самимъ Господомъ, удобно можемъ понять и остальные принадлежности сего Боговидѣнія. Господь ходитъ посреди семи свѣтильниковъ съ семью звѣздами въ десницѣ Своей въ такомъ видѣ:

Онъ облеченъ въ подиръ или въ длинную одежду. Такая одежда въ древности ветхозавѣтной, во первыхъ, была свойственна царственной славѣ и служила ея символомъ. Въ такомъ видѣ еще Исаія созерцалъ славу Христову: *видѣхъ, — говоритъ онъ, — Господа сѣдящаго на престолѣ высоцѣхъ и превознесеннаго, и исполнаго домъ славы Его* (Ис. VI, 1). Послѣднимъ выраженіемъ 70 толковниковъ пояснили слѣдующія слова еврейскаго текста: «Длинное одѣяніе Его наполняло весь домъ». И во вторыхъ, *подиръ*, или длинная одежда принадлежала къ священному облаченію Первосвященника. Иисусъ сынъ Сираховъ называетъ эту первосвященническую одежду (*подіросъ дѳѳης*) подиромъ или одеждою славы: *постави ему (Аарону) завѣтъ вѣченъ и даде ему іерейство людей и ублажи его благоуукрашеніемъ и препояса его одеждою (подіросъ) славы* (45, 8). Подиръ и въ смыслѣ первосвященнической одежды свойственъ Христу, какъ Первосвященнику во вѣкъ, предобразованному ветхозавѣтнымъ священствомъ. Итакъ значеніе сего царственнаго и первосвященническаго облаченія Христова въ общемъ составъ видѣнія таково: Христосъ Господь ходитъ посреди золотыхъ

¹⁾ По выраженію восточныхъ іерарховъ въ Посланіи Восточныхъ Патріарховъ.

свѣтильниковъ,—Церквей и держать въ десницѣ звѣзды Церковной іерархіи, вмѣстѣ и какъ Царь, являющій Свою славу въ судьбахъ Церкви въ ея всеобщности и въ частныхъ ея состояніяхъ и областяхъ, и какъ верховный Первосвященникъ, низводящій или изливающій Божественную благодать ближайшимъ образомъ на Церковное священноначаліе и на всю полноту Церкви.

Онъ препоясанъ по персямъ поясомъ златымъ. Опоясаніе употребляется для удобства дѣйствовать и иносказательно берется въ значеніи самой силы дѣйствующей, какъ, напр. въ словахъ: *Богъ препоясуяй мя силою* (Пс. XVII, 33). также въ значеніи бодрости и благодушія, напр. *препоясалъ мя еси веселіемъ* (Пс. XXIX, 12). *Отецъ Мой*,—глаголетъ Господь Иисусъ,—*доселѣ дѣлаетъ, и Азъ дѣлаю* (Іоан. V. 17). Какъ не престающій и не утомляющійся дѣлать Божественною силою все благопотребное ко спасенію вѣрныхъ и низложеніе враговъ, Господь Иисусъ Христосъ и явился опоясанъ по персямъ столько же драгоценнымъ, сколько крѣпкимъ поясомъ златымъ.

Глава Его и власы бѣлы, какъ бѣлая волна, какъ снѣгъ. Въ подобномъ видѣ созерцалъ Даниилъ *Ветхаго денми: одежда Его бѣла, аки снѣгъ, и власи главы Его, аки волна чиста* (Дан. VII, 9). Бѣлыя, какъ снѣгъ, или какъ чистая волна, власы и убѣленная ими глава составляютъ знакъ маститой старости или древности, а по отношенію къ Божеству—символь вѣчности. Господь же въ этомъ самомъ Апокалипсическомъ видѣніи изрекъ о Себѣ: *Азъ есмь первый и послѣдній* (ст. 10 и 17). Итакъ Онъ имѣетъ главу и власы бѣлы, какъ Вѣчный по Божеству, а по отношенію къ Церквамъ и іерархіи, какъ объемлющій всѣ времена и всѣ судьбы Церкви, какъ прежде всѣхъ и надъ всеми *Сущій Глава Церкви* (Іоан. III, 31; сл. I, 30).

Очи Его, яко пламень огонь. Господь Самъ поясняетъ этотъ символъ, когда Онъ въ качествѣ *имѣющаго очи Свои, яко пламень огненъ* глаголетъ Ангелу Фіатирской Церкви такъ: *и уразумѣютъ вся церкви, яко Азъ есмь испытуйи сердца и утробы* (II, 18. 23).

И нозѣ Его подобни халколівану ¹⁾ *якоже въ пеци раз-*

¹⁾ Халколіванъ, по изъясненію Салмазія (Exerc. in Sol. p. 810), есть

жжены—символь грознаго величія: Такъ тому же Ангелу Фіатира *Господь, имѣяй не только очи, яко пламень огнь, но и нозъ подобни холколивану*. изрекъ это грозное слово о лжепророчицѣ Іезавели: *се Я повергаю ее на одръ и любодѣйствующихъ съ нею въ великую скорбь... и дѣтей ея поражаю смертію* (ст. 18. 22. 23). Приразившимся къ Его раскаленнымъ ногамъ необходимо сокрушиться, равно какъ и поправный ими долженъ быть раздавленъ (сл. Мѣ. XXI, 44).

Гласъ Его, яко гласъ водъ многихъ. Какой здѣсь разумѣется гласъ? Первое, что поразило Тайнозрителя въ состояніи духовнаго восхищенія,—это былъ *гласъ велий, яко трубы глаголющія: Азъ есмь Алфа и Омега; яже видѣши, напиши* (I, 10—11). Гласъ Господа продолжалъ раздаваться вслухъ Тайнозрителя и послѣ того, какъ онъ разсмотрѣлъ чудное видѣніе: *не бойся, Азъ есмь первый и послѣдній... напиши убо и пр.* (ст. 17 и слѣд.). И такъ это есть вообще гласъ настоящаго откровенія судьбъ Церкви. Подлинно, только бы намъ по надлежащему внимать гласу Господа въ судьбахъ Церкви и міра, этотъ гласъ потрясалъ бы душу, какъ шумъ водъ многихъ.

Изъ устъ Его мечъ обоюду остръ. Это есть слово Божіе, какъ показываетъ исхожденіе сего обоюду остраго меча изъ устъ Господнихъ. Ап. Павелъ сравниваетъ слово Божіе также съ мечемъ, изъясняя при этомъ и значеніе этого символа *живо слово Божіе и дѣйственно и острѣйше паче всякаго меча обоюду остра и проходящее даже до раздѣленія души же и души, членовъ же и мозговъ, и судительно помышленіемъ и мыслемъ сердечнымъ. И нѣсть тварь не явлена предъ Нимъ, вся же нага и объявлена предъ очима Его, къ Немуже намъ слово: (Ему дадимъ отчетъ)* (Евр. IV, 12. 13). Вооруженный этимъ-то духовнымъ мечемъ, отъ котораго ничто не можетъ ускользнуть, который простертъ на всю тварь, отребляя однихъ и поражая другихъ, Господь есть потому всегда побѣдоносный вождь Своей воинствующей Церкви.

нѣкоторый родъ мѣди огневидной и блестящей (*χαλκός*-мѣдь и *λίβην* или *λείβην*—растопляться). Нѣкоторые изъясняютъ это слово съ двухъ языковъ: *χαλκός* и евр. *лабамъ*—блестящій. Иные, согласно съ сирскимъ переводомъ, понимаютъ „мѣдь гиванская“ Вульгата и „*augi chalcum*“.